

Елена ЕЛИНА, Александра РАЕВА

ЖИЗНЬ И БИОГРАФИЯ ИСААКА БАБЕЛЯ

Е.И. Погорельская, С.Х. Левин. Исаак Бабель. Жизнеописание. – СПб.: Вита Нова, 2020. – 624 с., 175 ил. – («Жизнеописания»).

Исаак Бабель принадлежит к числу очень известных наших писателей. Любой читающий человек, подбирая ассоциации к этому имени, вспомнит и «Конармию», и Беню Крика, и пару-тройку бабелевских «одессизмов». Пожалуй, и все, если не считать старых анекдотов, в которых обыгрывалась колоритная фамилия. Из многих писателей, получивших известность в 1920-е годы, именно Бабель оказался в тени других литераторов. И несмотря на то, что произведения многих из них современный читатель узнал только в пору возвращений писательских имен, иные авторы куда более известны и популярны сегодня. Почему так произошло – сказать трудно. Возможно, потому, что Бабель (в отличие, например, от Булгакова) вошел в школьную программу среди тех, чьи произведения изучаются лишь «обзорно». Возможно, это случилось потому, что даже после посмертной реабилитации сочинения Бабея издавались неохотно и всегда недостаточными тиражами. Возможно, причиной ухода произведений Бабея на периферию читательского внимания стал слишком поздний интерес к писателю со стороны специалистов-литературоведов.

Между тем Исаак Бабель с его богатейшим литературным наследием (несмотря на постоянные разговоры о периодах его долгого молчания, разговоры, которые он и сам охотно поддерживал) – это потрясающе интересная, до конца не познанная, таящая в себе множество загадок и – главное – удивительно притягательная вселенная.

Только что вышедшая книга «Исаак Бабель. Жизнеописание» – это первая полная научная биография писателя. Авторы книги – Елена Погорельская и Стив Левин – многие годы занимаются творчеством Бабея. Они известны публикациями произведений Бабея и его писем, комментированием его дневника 1920 года, архивными изысканиями. Из наиболее значимых работ можно выделить составление Е. Погорельской книг «Бабель И. Письма другу: Из архива И. Л. Лившица» (М., 2007), «И. Бабель. Рассказы» (СПб., 2014) и подготовку ею в серии «Литературные памятники» «Конармии» И. Бабея (2018). Именно Е. Погорельская является инициатором и организатором Международной научной конференции «Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век», приуроченной к 120-летию со дня рождения писателя (2014), ответственным редактором одноименного сборника (М., 2016). Среди большого числа работ С. Левина о Бабеле следует особо выделить тему, которой он занимался долгое время: И. Бабель в Саратове; в частности, на страницах журнала «Волга» (1994, № 9-10) была напечатана его статья «В ослепительном свете вымысла (И.Э. Бабель на Саратовской земле)», позднее наряду с другими работами о Бабеле она вошла в книгу Левина «С еврейской точки зрения... Избранные статьи и очерки» (Иерусалим, 2010). Надо назвать совместную статью соавторов, предшествовавшую рецензируемой книге: «“Во время кампании я написал дневник...” Пространственно-временные координаты в “Конармии” и конармейском дневнике Исаака Бабея» (Вопросы литературы. 2013. № 5).

Попытки создать биографию И. Бабея начались еще более полувека назад (Stora-Sandor J. Isaac Babel: L'homme et l'œuvre. Paris, 1968), однако эти труды либо затрагивают конкретный период творчества писателя (одесский – Р. Александров (А. Розенбойм), последние годы жизни – С. Поварцов), либо приближаются к жанру беллетризованного жизнеописания (Е. Помяновский, Ч. Андрушко, Р. Крумм).

В то же время публикации эпистолярного наследия писателя, мемуаров о нем (здесь не оценим вклад семьи Бабея – его последней жены Антонины Пирожковой и внука Андрея Малаева-Бабея), многолетние архивные разыскания и работы о поэтике

Бабеля (среди исследователей стоит упомянуть И. Смирину, Л. Лившица, Г. Фрейдина, А. Жолковского, М. Вайскопфа, З. Бар-Селлу, Э. Зихера, А. Яворскую), создали почву для возникновения полной научной биографии, которой и является эта книга.

Огромный печатный труд, представленный Е. Погорельской и С. Левиным (более 600 страниц), – это текст, который не отпускает тебя и держит в поле высокого напряжения. Это происходит потому, что сам герой книги – непредсказуемо сложный автор блистательных литературных текстов и своей собственной судьбы, персонаж сплетен и вымыслов, любимец женщин и надежный товарищ, непревзойденный юморист, легко впадавший в депрессивное состояние, человек, плотно вписанный в контекст породившей его эпохи и принявший новый советский мир, мастер слова, тонко и точно сформулировавший свое отношение к происходящему в двух, порой параллельных плоскостях, – в публичном высказывании и в текстах, не предназначенных для советской широкой общественности. Читательское напряжение и нетерпеливое ожидание того, что откроется на следующей странице «Жизнеописания», связано еще и с той сдерживаемой, но не сдержанной экспрессией, которую привносят в свое повествование авторы книги. Они не всегда могут оставаться беспристрастными исследователями и вести свой рассказ в манере, принятой для научной монографии. В результате рождается принципиально новое литературоведение с мощным гуманистическим посылом, с нескрываемой любовью к объекту размышлений, с отчаянной болью за него, с трагизмом осмысления последнего года жизни писателя.

Некоторые повороты судьбы Бабеля настолько невероятны, что если бы не обильное цитирование найденных и прокомментированных авторами архивных документов, в происходящее трудно было бы поверить. Уже в Предисловии Е. Погорельская и С. Левин формулируют основы своей концепции. Главной сложностью создания биографии Бабеля авторы считают склонность писателя к мистификациям, так как соединение факта и вымысла является основой не только его творческого метода, но и бытового поведения. Даже «Автобиография» писателя, как отмечают авторы, не исключение: она содержит ничем не подтверждаемые сведения о службе Бабеля солдатом на Румынском фронте, о его связях с ЧК. Прорисовывая узор жизни писателя, авторы определяют свою задачу так: «Мы стараемся также отделить действие в рассказах самого Бабеля от реальных биографических событий, в то же время пытаюсь проследить, как подлинные события преломляются в прозе Бабеля». «Нестерпимой чертой» характера Бабеля И. Эренбург считал неистребимое писательское любопытство и скрытность, которые приводили к тому, что сам писатель «не может распутать свою судьбу». Эти пророческие слова близкого друга Бабеля применимы по сути дела ко всем этапам биографии писателя, включая самый последний, предсмертный, период его жизни.

Ведущая идея авторов просматривается и в структуре книги. Жизнь и творчество Бабеля предстают постоянно в сопоставлении с его современниками. Судьба сводила Бабеля с людьми разного круга и положения, с видными советскими деятелями и с русскими эмигрантами, с теми, кто у власти, и с теми, чьи родственники находятся под следствием, с военачальниками и политиками. Все они появляются в жизни Бабеля и оказываются на страницах книги. Их биографии, собранные под одной обложкой, дают объемное представление о сложной и противоречивой эпохе. На страницах книги появляются, говорят, пишут, вспоминают Олеша, Эренбург, Паустовский, Эрдман, Маяковский, Есенин. На документальной основе в книге показано, как Бабелю удавалось войти в жизнь своих собеседников и друзей, стать их любимцем. Отклики Паустовского, Воронского и Федина о значении творчества Бабеля, цитирование Маяковским фразочек из «Одесских рассказов», восприятие Бабелем гибели Маяковского – все это оживляет атмосферу литературного быта 1920-х годов, придает новые, не известные ранее, живые черточки тем, кто делал нашу литературу.

Появляются и постепенно на протяжении многих глав вырастают в центральные фигуры Горький, Воронский и Полонский. С ними Бабеля связывают не только сугубо

литературные отношения – писателя и редактора, когда Бабель оказывается одновременно маститым автором и лукавым держателем неотработанных журнальных авансов, но и родство душ. Извилистые линии взаимоотношений Бабеля с людьми, определившими литературный процесс в 1920-е годы, представлены в книге очень ярко и талантливо. В книге показано, что Горького Бабель воспринимал как основного своего защитника и покровителя. Горький по отношению к Бабелю последовательно доброжелателен, нежен, заботлив. Отношение Бабеля к Горькому, как видно из приведенных в «Жизнеописании» документов, было в полной мере отношением сына к отцу: беспредельная любовь, уважение, благодарность за заступничество и... всплески обиды, ревности, неконтролируемого гнева, а потом снова любовь и выражение отчаяния от близкой потери. Знаменательна приведенная в книге фраза Бабеля, сказанная им после смерти Горького: «Теперь мне жить не дадут».

Среди тех, кто сыграл важную роль в жизни Бабеля, авторы отмечают его французских друзей – А. Жида и А. Мальро, ставшего поистине близким для Бабеля человеком. Эпизоды их встреч в Париже и в Москве, дружеские ужины, легкое застольное общение – и последняя перед тюрьмой просьба, обращенная к жене, сообщить о случившемся Андрею (имелся в виду Андре Мальро) – по воле авторов книги трогательны и печальны.

Очень мощно прописан в книге Александр Воронский, критик и редактор, «центровой» литературной жизни послереволюционной эпохи. Воронский не только защищает Бабеля от нападок Буденного и тех, кто стряпал ему тексты, литературный критик дает по сути дела первую цельную и неотмененную до сих пор характеристику творчества Бабеля: «Конармия» не устроила оппонентов только потому, что она не укладывалась в легенду о Первой конной, а на самом деле произведение является эпохальным и с содержательной, и с эстетической стороны. Авторы приводят документы из архива «Красной нови», что позволяет восстановить историю создания некоторых рассказов из «Конармии». Вообще в «Жизнеописании» можно найти немало подробностей, связанных с историей создания отдельных произведений Бабеля, с работой над композицией, с причиной перестановки глав, с переименованием персонажей.

В первых главах книги, посвященных детству и юности Бабеля, его службе в Первой конной, сопоставление документов с художественными произведениями наглядно показывает причудливое сочетание предельной реалистичности и точности, свойственной писателю, со свободой художественного воображения. Здесь же авторы представляют удивительные архивные находки. Так, установить тот факт, что в Конармии Бабель был известен не только под своим псевдонимом К. Лютов, но и под настоящей фамилией, позволила справка, выписанная Реввоенсоветом Первой Конной армии о снятии с довольствия штаба армии Бабеля (Лютова). К ним также можно отнести и копию инструкции по ведению журнала военных действий, в котором Бабель расписался псевдонимом – Лютов.

Глава «В конармии» необычайно интересна, поскольку дает ключ к пониманию характера Бабеля. Стержнем этой главы можно считать исследование дневниковых записей, которые вел писатель. Авторы справедливо полагают, что дневник интересен не только как прототипическая основа рассказов, но он представляет самостоятельную художественную ценность. Для авторов важно, что дневник уточняет принципиальные вопросы биографии писателя: да, он действительно был в гуще боя вопреки домыслам недоброжелателей, да, он действительно хорошо знал конармейскую массу и ее вожakov, да, он не понаслышке наблюдал за бытом конармейцев. И все это давало ему полное право писать свою «Конармию» так, как она написана, – честно и колоритно.

Особенно ценно, что в книге не просто дается текст документа, но нередко печатается его изображение. Семейные фотографии из архива Л. И. Бабель и А. А. Малаева-Бабеля, документы, рукописи, письма, изображения мест, связанных с Бабелем,

редкие фотографии его современников, газетные карикатуры, книжные обложки – все это складывается в уникальную фотохронику жизни писателя.

Стилистической доминантой книги можно назвать полифонизм: обильно представлен не только бабелевский текст (рассказы, письма, дневник, выступления и т.д.), но и воспоминания знавших его, свидетельства современников, щедро цитируются добытые авторами документы. Среди писем хочется отметить адресованные матери, жене Евгении, сестре Марии, и письма А. Г. и Л. И. Слонимам, у которых писатель жил в ранние годы в Петрограде, а в 1920-е нередко и в Москве.

Жизнеописание Бабеля – это биография писателя, «смыслом и способом» жизни которого «всегда <...> была литература». События жизни у него рано или поздно преломлялись в литературных сюжетах и образах. «Уязвленный жестокостью» еврейского погрома в Николаеве, Бабель через все творчество пронесет сострадание к боли и ненависть к унижению. Отзываясь на потрясения эпохи – войну и коллективизацию, – писатель сохранит, как показывают авторы книги, жадное любопытство к жизни, к людям.

Примеров глубоких и точных наблюдений за творческим процессом Бабеля в книге множество, именно они, как кажется, становятся основой жизнеописания. Особенно хочется отметить два очень разных сюжета: впечатления от яркой пьянящей жизни Парижа, легшие в основу новеллы «Улица Данте», и наблюдения, почерпнутые во время продовольственной экспедиции С. Малышева, соединенные с более ранними, юношескими, впечатлениями от Саратова и немецких колоний на Волге, из рассказа «Иван-да-Марья».

10 месяцев (с октября 1915 до августа 1916 года) Бабель с эвакуированным Киевским коммерческим институтом провел в Саратове. Вместе с другими студентами будущий писатель спал на нарах, построенных в аудиториях Консерватории, где расположился институт. Как видно из текста книги, Бабель и в этих суровых условиях приобщался к культуре и постепенно накапливал писательские впечатления. Он ходил в театр, видел игру знаменитого Слонова, не пропускал встреч с приезжающими в Саратов писателями – Бальмонтом, Северяниным, Сологубом, слушал концерты Глазунова, Гречанинова, Рахманинова, не раз ездил в Покровск и Баронск, изучал жизнь немецких колонистов. В Саратове был написан рассказ «Детство. У бабушки», напечатанный только в 1965 году.

В книге Е. Погорельской и С. Левина можно найти интерпретацию фактов, мало известных современному читателю. Так, например, захватывает история редактирования и составления Бабелем трехтомника Мопассана, работа писателя с переводчиком, его собственные переводческие работы, его великолепное знание французского (достаточно вспомнить блестящую импровизированную речь Бабеля на заседании антифашистского конгресса в Париже). Выразительно написаны страницы, посвященные Бабелю-кинематографисту. Основываясь на мемуарах Г. Александрова, авторы повествуют о роли Бабеля в создании сценария кинофильма «Цирк».

Отдельная тема книги – семейные дела Бабеля. Авторам удается написать об этом тактично и строго, не давая воли домыслам и эмоциям. Приводя массу документов и свидетельств, авторы книги показывают душевный надрыв Бабеля, связанный с чувством непроходящей вины перед сыном и невенчаной женой. Отчаянный по природе человек, Бабель здесь выглядит нерешительным, робким, страдающим.

Авторы книги создают замечательные портреты любимых бабелевских локаций: Одесса, Марсель, Париж, Киев... Это города, оставившие мощный след в жизни и творчестве писателя. Это города, с каждым из которых у Бабеля был свой роман и топография которых откликалась в сердце писателя неповторимыми художественными открытиями. Запоминается признание Бабеля в своих чувствах к родной стране, приведенное в книге: «Здесь бедно, во многом грустно – но это мой материал, мой язык, мои интересы... Гулять за границей я согласен, а работать надо здесь». И в другом месте:

«Я отравлен Россией». Вот такого человека, сообщающего о своих патриотических чувствах не с высокой трибуны, а в письме к маме, обвинят в шпионаже и расстреляют.

Неожиданные черточки характера Бабеля приоткрывают авторы книги, когда пишут о новой волне шельмования «Конармии» со стороны бывшего руководства Первой конной. Вместо огорчения и попыток публично оправдываться Бабель высказывает удовлетворение происходящим, полагая, что скандал вокруг известного текста способствует читательской популярности. Во всем здесь видна неосмотрительность героя книги, его уверенность в завтрашнем дне, он не допускает мысли, что может оказаться среди отправленных в места не столь отдаленные. Он верит в свои связи с государственными чиновниками высокого ранга и дружбу с чекистами, он верит в свою популярность и международный авторитет. Моральные принципы писателя не позволяют ему прервать отношения с Воронским после исключения его из партии и снятия с поста редактора. И эта вера в свою звезду делает его абсолютно беззащитным перед случившимся. Между тем, как следует из «Жизнеописания», Бабеля подвергают суровым проработкам, фабрикует его антисоветское интервью, заставляют оправдываться. Эти оправдательные выступления постепенно формируют Бабеля реноме образцового советского писателя, и это придает ему еще большую уверенность в том, что его-то точно не тронут!

Авторы книги подробно останавливаются на поездках Бабеля в украинские села «смотреть коллективизацию», на Донбасс, где он, несмотря на застарелую астму, спускается в шахту. Здесь масса подробностей, конечно же, основанных на архивных источниках и первых публикациях. Любопытно замечание Горького по поводу досужих разговоров и признаний самого Бабеля о долгих периодах его творческого молчания, приведенное в книге: «Бабелю – не верьте, выдумывает. Он – умница и отличный человек, его проницательный талант я люблю горячо... И никого он не боится, он – себя боится, вот что! Ему надобно сделать какой-то решительный шаг, вот он и покачивается, еще не решаясь. А – сделает, увидите». Что имел в виду Горький: долгие перерывы в публикации новых книг, сомнения самого Бабеля – а стоит ли написанное пускать в свет – кто знает. Известно, что Бабель не раз встречался с Горьким. В книге опубликованы факты, свидетельствующие о том, что Бабель подолгу гостил у Горького. Не исключено, что утверждение Горького о нерешительности Бабеля связаны с какими-то личными переживаниями писателя.

Противочувствия, одолевающие Бабеля во второй половине 1930-х годов, выразительно прорисованы в книге. «Дух бодрости и успеха», который отмечает Бабель как главную черту жизни в советской стране на очередном историческом этапе, им же отрицается в множестве неофициальных высказываний, записанных за ним и друзьями в Париже, и недругами в Москве. Открытость Бабеля, его вера в узы товарищества постепенно губили его: то он иронически высказался по поводу излишней парадности Первого съезда советских писателей, то прошелся острым языком в связи с разгулом массовых репрессий, то подпустил иронии в оценках Сталина. Авторы книги, уверенно ведя повествование, обращаясь все к новым и новым документальным свидетельствам, строят целостный образ писателя, попавшего, как и многие другие, между молотом и наковальней – ясность и непоколебимость его представлений о стране постоянно наталкивалась на чудовищную жестокость, цинизм, коварство, непоследовательность.

В последних главах книги, когда степень жалости к Бабелю достигает апогея, а осознание сложившейся ситуации перестает поддаваться человеческой логике, авторы иногда пользуются своим правом рассказчиков и интерпретаторов, позволяя себе чуть-чуть скорректировать ту или иную ситуацию. И это иногда выглядит спорно. Так, например, когда в одном контексте сталкиваются жесткие оценки, данные Бабелем проходящему съезду писателей, и яркая речь писателя на съезде, в которой нашлось место восхищению стилем Сталина, авторы замечают: «...нельзя не прочитать между строк о вещах, действительно волновавших его: насаждение метода социалистического реализма

в советской литературе и возникающие в связи с этим проблемы в собственном творчестве» (с. 430). Такое утверждение кажется натяжкой, поскольку мы имеем дело с двумя разными типами высказывания – речь на публику и сугубо внутренняя, не предназначенная для чужих ушей, речь. «Между строк», конечно, многое можно прочитать, но в рецензируемой книге в абсолют возведен документ, и это единственно возможный путь для научного жизнеописания.

То же видим и по отношению к высказываниям Бабеля во время кампании против формализма. Как пишут авторы книги, Бабель в своих выступлениях уходит от политических вопросов, оставаясь в рамках сугубо эстетических. Но когда Бабель говорит, что советские люди только недавно овладели грамотой, и начинать чтение с Джойса или Пруста невозможно, разве это не была политика? Разве эти слова не воспринимались как полная поддержка власти в борьбе с формализмом? Собственно, борьба-то эта и велась строго в эстетических, а не в политических рамках! Но что могло в 1930-е годы в советской стране не иметь политической подоплеки? И если бы всех или почти всех участников дискуссии спустя пару-тройку лет не арестовали, можно было бы говорить об эстетическом характере отдельных выступлений. Но это была политика, и только она.

Безусловно, еще одним главным героем «Жизнеописания» становится Антонина Пирожкова. Авторы книги подчеркивают удивительное обаяние этой красивой женщины, «технаря» по образованию и работе, при этом незаурядного литератора, публициста, мемуариста, публикатора. Страницы, касающиеся ареста Бабеля, долгих лет ожидания его из лагерей, переживания по поводу странной информации (Бабель жив, его видели, он работает счетоводом, пьет чай с начальником лагеря), которой очень хотелось верить, создают образ великой женщины, советской декабристки, несломленной, любящей, исполняющей трагическую миссию – быть женой и вдовой великого человека.

Именно мемуары А.Н. Пирожковой, а также материалы книги С.Н. Поварцова «Причина смерти – расстрел» и статьи В.С. Христофорова «Документы архивов органов безопасности об Исааке Бабеле» легли в основу последней главы «Жизнеописания» – «Не дали закончить». Не дали закончить Бабелю, судя по косвенным свидетельствам, его новую книгу рассказов. Однако в этой фразе, по существу последней из сказанных на воле, читается напластование множества метафор, рожденных в сознании писателя. В этих трех словах кроется не только подведение печального итога многолетнего писательского труда, но и крик души человека, за которого кто-то решил, и этот кто-то вторгся в святая святых – в творческий процесс, в область, окутанную тайной, в сферу, в которой писатель должен оставаться один. Авторы книги постоянно подчеркивают, что Бабель очень мучился в периоды творческого кризиса. Это был всякий раз род болезни, физического недомогания. Он настолько казнился «неписанием», что на первом же допросе причину своего ареста объяснил творческим бессилием. Эти факты, приведенные в книге, поражают воображение. Писатель с такой блестящей и вполне успешной для советской страны творческой биографией, автор книг, изданных и переизданных в СССР и за рубежом, всерьез считает себя виноватым в том, что не выдает на-гора новые и новые сочинения. Вероятно, это было связано с общей тенденцией, сформировавшей отношение к писательскому труду и не раз провозглашенной с высоких трибун: писатель – тот же ударник советских пятилеток, тот же пролетарий, который обязан трудиться постоянно и без отдыха на благо советских читателей. Бесконечные встречи писателей с читателями, проходившие в формате писательских отчетов, распространение понятия «литературные спецы» указывало на то, что писательство – то же ремесло. Журналы и газеты охотно печатали письма читателей писателям, эти читательские обращения носили нередко панибратский характер и были написаны в развязном требовательном тоне. «Писатели (литература) в долгу перед народом» – идиома, рожденная и утвержденная в 1920-30-е годы. Вероятно, комплекс писателя, не выполняющего свои производственные обязательства, владел и Бабелем.

Читать последние разделы книги невозможно без боли и содрогания от той нелепицы, нагромождения случайностей, коварства, бескультурия, жестокости тех, кто решал судьбу большого писателя. Авторам «Жизнеописания» удалось достичь содержательного и стиливого накала в изложении и интерпретации последних лет, месяцев и дней Бабеля. При всем своем умении мыслить аналитически, укладывать эпизодические факты в строгую систему, при всем своем глубоком понимании общей ситуации и характера вождя Бабель, как пишут авторы книги, оказался не готов к предстоящему аресту. Достаточно сослаться на текст «Жизнеописания», где названо огромное количество документов, обнаруженных дома и на даче у писателя. Записные книжки, рукописи, обширнейшая переписка – все это было арестовано вместе с хозяином. Судя по всему, Бабель не готовился к аресту, не уничтожил рукописи, не спрятал их у знакомых. И если тюремное дело Бабеля найдено и история последних 9 месяцев его жизни полностью воспроизведена в книге, то судьба изъятого во время ареста архива писателя неизвестна.

Авторы с горечью констатируют, что сильные мира сего, на которых мог надеяться Бабель, один за другим либо впадали в немилость или сами оказывались репрессированы. Имя Бабеля все чаще мелькает в донесениях ОГПУ – НКВД. По этим доносам видно, что писатель недоумевал, откуда берется покорность тех, кто ожидает ареста и тех безвинных, кто признает свою вину, он с горечью говорил о массовых политических процессах, о нарастающем расхождении между словом и делом на уровне государственной власти. Тем не менее на фоне массовой поддержки писателями политических процессов и арестов Бабель тоже не остается в стороне и пишет «Ложь, предательство, смердяковщина» – заметку о справедливости возмездия. Кажется, текст этот мало чем отличается от других подобных текстов: тот же разоблачительный пафос, то же выполнение заказа, тот же дух эпохи. Между тем и здесь авторам «Жизнеописания» показалось важным вывести Бабеля из-под критики уже сегодняшнего читателя и сослаться на более, чем у коллег, спокойный, без истерии тон заметки. Представляется, что такая защита из будущего вряд ли нужна. Степень страданий, принятых Исааком Бабелем, безмерна, и это главное оправдание его человеческих слабостей или даже кажущейся неправоты.

Авторы книги вводят читателя в страшный мир последнего пристанища, в котором доживал и продолжал, как мог и как понимал это, бороться за свое человеческое достоинство замечательный русский писатель. Особенно впечатляет поведение Бабеля во время скорого и беспощадного, без вариантов приговора, суда. Он требует вызова свидетелей, допуска защиты, ознакомления с делом. Он отрицает свою вину и отказывается от показаний. Он ведет себя так, будто находится среди людей, имеющих представление об элементарном правопорядке. Кажется, что он верит в возможность торжества справедливости. Но Бабель, как и тысячи других невинно осужденных на казнь, не знает о новых правилах судопроизводства: признания подсудимого и есть основное доказательство вины. Все это настолько ужасно и нелепо, настолько не вмещается в сознание масштабом абсурдности происходящего, что, зная ответ, мы до 541 страницы продолжаем надеяться... Но ровно 80 лет назад жизнь Бабеля была насильственно оборвана, «закончить» не дали.

Посмертная судьба писателя, как показывают авторы книги, тоже исполнена неясностей и мистификаций. Сплетни и слухи, которые сообщали семье писателя, давая надежду на скорое его возвращение, – часть той же самой безжалостной машины, которая уничтожила Бабеля. Нравственные силы А.Н. Пирожковой, терявшей мужа постепенно, на протяжении нескольких лет, вплоть до официального (тоже фальшивого) сообщения о его гибели, достойны восхищения и преклонения. После пережитого вдова писателя сделала неимоверно много для возвращения имени и произведений Бабеля в отечественную литературу. Она и потомки писателя фактически открыли новую страницу в публикациях и исследованиях творческого наследия Бабеля. Вот почему авторы с благодарностью посвящают свою книгу памяти Антонины Пирожковой.

Радостно сознавать, что и авторы рецензируемой книги – Е. Погорельская и С. Левин тоже немало потрудились на благо науки об Исааке Бабеле, прежде чем взялись за такую объемную работу, как «Жизнеописание». Кропотливый сбор документального материала в архивах многих городов, просмотр *de visu* тысяч журнальных и газетных страниц, научных изданий и мемуаров, дневников, писем, записок и заметок Бабея и его современников – все это необходимо предшествовало разработке, проверке и изложению авторской концепции, стройной и убеждающей. Авторам книги удалось, облекая исследование в формы сдержанного и лапидарного изложения, «впустить» в текст некую толику экспрессии, позволившей представить героя книги человеком любящим, страдающим, остроумным, желчным, ехидным, нежным, влюбленным, разочарованным, испуганным, надеющимся и верящим – в общем живым. Е. Погорельская и С. Левин, несмотря на стремление Бабея «утаить правду», сместить жизненные факты и события, в общем запутать своего биографа, смогли создать полноценную и выверенную научную биографию одного из крупнейших писателей России.

«Исаак Бабель. Жизнеописание» на многие годы станет важнейшим импульсом к любым новым работам о писателе, источником сведений о литературной эпохе 1920–1930-х годов, ключом к пониманию драматически непредсказуемого и неимоверно сложного положения советского литератора. Прочитанная книга долго не отпускает, еще и еще раз переживаются подробности жизни и судьбы Исаака Эммануиловича Бабея, хочется вернуться к страницам биографического повествования и увидеть молодого и озорного человека, врывающегося в новый литературный мир со своим самобытным языком и непревзойденным всегда узнаваемым стилем. Авторы рецензируемой книги подарили читателю вот такого, действительно живого Бабея.